

ВОССТАНИЕ
1916 года
в СРЕДНЕЙ АЗИИ
и КАЗАХСТАНЕ

№ 215

1916 г. августа 1.— Рапорт и. д. начальника Джаркентского уезда Н. Н. Ступина военному губернатору Семиреченской области М. А. Фольбауму о выступлениях казахов, уйгур и дунган против мобилизации на тыловые работы.

Телеграмма о призыве рабочих в тыл действующей армии мною получена была 2 июля с. г., и в тот же день должностные лица, муллы и уважаемые туземцами лица от Джаркентско-Таранчинской, Джаркентско-Дунганской волостей и разночинцы мною были призваны в уездное управление, где им была прочитана телеграмма и сделаны разъяснения. Тогда же я предложил им на сходах и в мечетях разъяснить об этом населению, что ими и делалось, а должностным лицам приказал под их личную ответственность безотлагательно и в кратчайший срок приступить к составлению списков рабочих. Одновременно были разосланы предписания всем должностным лицам уезда, приставам и начальнику участка.

На 4 июля были вызваны те же лица от Аккентской волости, а на 5 июля — от ближайших киргизских волостей. 4 июля состоялись сходы

в двух селениях Джаркентско-Таранчинской волости и в Джаркентско-Дунганской.

Управитель Джаркентско-Таранчинской волости донес, что население этих селений отказалось составить списки и что выборные разошлись и увлекли за собою все общество. Предполагая, что, может быть, управитель и писарь недостаточно понятно прочитали мое подробное предписание о сем, я 6 июля к девяти часам утра приказал созвать к уездному управлению сход сел. Городского, а на седьмое — селений Казанчи и Новый Тышкан. Тогда я лично сам все разъяснил и приступил к пояснению о составлении посемейных списков — списков рабочих. В это время выборные незаметно для меня удалились и увлекли за собой большую часть общества.

7 июля к уездному управлению общества таранчей селений Казанчи и Новый Тышкан не прибыли, а явившиеся выборные заявили, что общества отказались прибыть для составления списков. Всех выборных я тогда же арестовал и уволил с должности. Протокол об этом представил вашему превосходительству и просил о наложении на них взысканий по усиленной охране. По постановлению вашего превосходительства они заключены в тюрьму каждый на три месяца.

В тот же день прибыли представители и от Дунганской вол[ости] с членами от двух обществ, около 100 чел. Я и им лично разъяснил суть дела и показал, как составить списки. Прибывшие дунгане, за исключением представителей, повернулись и ушли, а из толпы слышны были слова: «Умрем лучше, но туда не пойдем». Представители заявили, что они боятся за свои семьи из-за близости китайцев. На 7 июля после обеда прибыли вызванные мною лица из Аккентской волости. С ними прибыли и невызываемые. Повторилась та же история, слышны были из отходящей толпы те же слова.

5 июля собрались представители от Байтюгеевской и Сатаевской волостей. Представители от киргизов всесторонне старались выяснить это дело, задавали вопросы, плакали, высказывали опасение, что их задержат затем в войсках, просили заменить этот наряд на работы всем чем только можно — скотом, деньгами и другим имуществом, называя себя трусами, не способными к военному делу. Им было разъяснено, что это недопустимо.

Затем я вновь вызвал почетных и уважаемых населением лиц, как-то: указанных мулл Джаркентско-Таранчинской вол[ости], Масымхана-Садыкова и Аккентской — Надыра Сабирова, таранчей Джаркентской вол[ости] Хусаинбека Юнусова, Джалалетдина Юлдашева, Аккентской — Ходжамберды Илимova и киргиза Сатаевской вол[ости] Долубая Картанова — разъяснил им всю ответственность, которая падет за ослушание и предложил всеми способами воздействовать на население.

Хусаинбек Юнусов принимал в этом самое деятельное участие, приносил речи в мечети, плакал, и толпа рыдала, соглашаясь с ним, что высочайшую волю государя императора необходимо исполнить.

Этот же Юнусов составлял муллам проповеди, приводя изречение из корана, где сказано: «Кто бы ты ни был царь — мусульманин или иноверец — подданные должны повиноваться. Слова царя — «важип», т. е. священные».

Тогда же в киргизские волости пригородного участка командировал письменного переводчика губернского секретаря Булатова для той же цели. Он возвратился и доложил, что настроение среди киргиз[ов] тревожное, что их нельзя разубедить, что их берут не в войска.

Тогда же он привез известие от киргизов об убийстве карамского волостного управителя и о том, что два старшинства Копальского уезда в полном составе своем убежали в китайские пределы и что их калмыки

на Баротоле ограбили, отобрали весь скот, имущество, молодых жен и девиц, а самих выдворили обратно. Киргизы чиновнику Булатову говорили, что будут следить — пойдут ли из других уездов, тогда и они пойдут.

Киргиз Сатаевской волости Картанов, когда увидел, что киргизы из его волости приготовились к бегству в Китай, сумел их уговорить не делать этого и успокоил их.

От кольджатского участкового пристава поступили донесения: первое — о том, что он 7 и 9 июля имел беседы с представителями от волостей его участка, которые ему доложили, что среди населения участка некоторое брожение, надеются, что они по приезду разъяснят населению суть дела, и оно успокоится. Второе — о том, что составлять списки рабочих население не соглашается и писать списки писарям не позволяет, угрожая их убить.

Нарынкольско-Чарынский участковый начальник донес, что 11 июля он собрал должностных и почетных лиц. С ними пришла толпа киргизов около 1000 чел. и, несмотря на все усилия убедить исполнить высочайшую волю, заявила, что людей на работу не даст, сопротивляясь набору, что готова умереть до последнего, убивая всех, содействующих набору. Затем, разойдясь по волостным канцеляриям, частью уничтожила списки призываемых. По сведениям, решение сопротивляться набору закреплено «батой» Узака Саурукова, Джаманке Мамбетова; уговорились ответить на первый арест или иную репрессию разгромом и уйти в Китай Джарджусь. По доносам очевидцев, киргизы переделали косы в пики. Об этом было донесено вашему превосходительству. Запрошен начальник участка, что сделано им. Ранее ему предписывалось доносить через три дня, но донесений от него не поступало.

Дошли в то время до меня слухи, что некоторые из дунган в это время успели побывать в Кульдже и имели совещание с китайскоподданными дунганами. Последние будто бы дали слово в случае надобности поддержать их силою. Об этом мною сообщено заведующему розыскным пунктом в г. Верном. Выяснить лиц, бывших в Кульдже для этой цели, мне не удалось.

Ввиду того, что Джаркентский уезд на окраине, что в китайских пределах много дунган, таранчей и киргизов китайскоподданных, родственных нашим подданным, и то, что в китайских пределах и до сего времени много как тех, так и других, а из наших подданных постоянно проживают там, то этим вопрос о выдворении рабочих из Китая до крайности осложняется и будет пагубно влиять на правильные и своевременные работы по набору рабочих.

Необходимо выдворить проживающих в Китае дунган, таранчей, киргизов и других рабочих-инородцев в возрасте от 19 до 31 года и потребовать от китайских властей добросовестного отношения к этому.

Доношу, что все распоряжения по сему, объявление о призыве, объявление о военном положении, все телеграммы о ходе работ в других уездах области и округа, все разъяснения мною немедленно по получении объявляются населению уезда, сознавая всю важность этого дела.

Предписано начальникам участков произвести дознания для выяснения виновных в недопущении писарям составлять списки. Управлятелям предписано немедленно представить приговора о назначении лиц на работы со списками рабочих.

При сем представляются протоколы от 6, 7 и 8 июля.

И. д. джаркентского уездного начальника подполковник Ступин
ЦГИА КазССР, ф. Семиреченское областное правление, оп. 2, д. 16921, лл. 157—158.
Подлинник.

Опубл. частично в сб. «Восстание 1916 года в Казахстане. Документы и материалы». Алма-Ата, 1947, док. № 41, стр. 52.